

Чжоу Минхуэй вовсе не стремился копаться в личной жизни Чжоу Ланя.

Дело было не в доверии к Кровному клану — скорее наоборот. В какой-то степени он слишком хорошо понимал натуру Кровного клана и то, как Чжоу Лань к нему относится. Звездная сеть так и пестрела всевозможными слухами о Чжоу Лане: одни казались откровенной ложью, другие же... другие заставляли всерьез задуматься.

Минхуэй был взрослым мужчиной с незаурядным умом и острой наблюдательностью. Захоти он дать волю мыслям, сопоставить факты и разложить всё по полочкам — Чжоу Ланю даже говорить бы ничего не пришлось. Он сам бы воссоздал всю картину до мельчайших подробностей.

Однако он сознательно этого избегал.

И дело было не в вечной занятости или пренебрежении, а в том, что он просто боялся разрушить то хрупкое равновесие, которое между ними установилось.

Чжоу Ланя частенько не оказывалось рядом, но он стабильно отвечал на сообщения. Они встречались на просторах Звездной сети, а изредка — и в реальности. Эти отношения балансировали на грани: то ли старые добрые друзья, то ли влюбленные, разделенные парсеками. Минхуэй чувствовал, что дистанция между ними растёт, однако его собственный бизнес только-только зарождался и пока не приносил былой прибыли. По сравнению с теми роскошными условиями, которые он мог обеспечить Чжоу Ланю в прежние времена, нынешние его возможности различались как небо и земля.

Он не хотел, чтобы представитель Кровного клана думал, будто с ним придется терпеть лишения. И уж тем более не желал, чтобы тот видел его изнурительную борьбу за место под солнцем. Он не сомневался, что в конце концов добьется успеха, но не мог позволить кому бы то ни было — а особенно дорогому человеку — застать себя в минуты слабости и растерянности.

Таков уж был его характер.

По той же причине он закрывал глаза на слухи о романах Чжоу Ланя на стороне: просто не хотел терять лицо.

Это смахивало на детскую попытку спрятать голову в песок. Порой у Минхуэя даже мелькала горькая мысль:

«Сейчас я никто. Какое я имею право что-то от него требовать?»

Он подавлял в себе ревность с поистине мазохистским упорством. А ведь несколько веков назад, когда Чжоу Лань считался его «собственностью», Минхуэй знал о каждом его шаге —

вплоть до того, с кем из актеров представитель Кровного клана перекинулся парой фраз на съемочной площадке.

Но тогда, сотни лет назад, Минхуэй по крайней мере мог называть себя его покровителем. А что теперь?

В этой жизни, едва очнувшись, он тут же бросился на поиски Чжо Ланя и практически силой обосновался в его доме. И пусть бывшие недоразумения остались позади, они так и не определили статус своих отношений. В минуты слабости Минхуэй думал, что Чжо Ланю просто нравится вкус его крови, да и к плотским утехам представитель Кровного клана всегда относился легко, потому и согласился без лишних споров возобновить их «связь».

Но что это была за связь? Минхуэй и сам не знал ответа.

Он запрещал себе размышлять об этом, хотя в глубине души ответ уже давно созрел. Он заставлял себя игнорировать слухи о чужих мужчинах в жизни Чжо Ланя лишь потому, что понимал: сам он не имеет на него никаких прав.

Возможно, Чжо Лань просто уступил его напору, плывя по течению.

Утолить жажду крови, провести вместе ночь — для существа Кровного клана в этом нет ничего особенного. Если вспомнить зловещие легенды о Кровном клане, Чжо Лань обходился со своей «добычей» на редкость милосердно. Он уступал Минхуэю, порой даже потакал его капризам, из-за чего у того крепло обманчивое ощущение, будто именно он держит бразды правления в их паре.

Но кто на самом деле вел в этой игре?

Сейчас всё встало на свои места.

Когда Чжо Лань внезапно позвонил и сообщил, что прилетит в гости, Минхуэй не мог передать словами, какой восторг его охватил. Он совершил невозможное — выкроил целых три дня в своем плотном графике и распланировал каждую минуту их отдыха. Он вел себя как ребенок, которому неожиданно подарили редкую сладость: в счастливой суматохе перерыл весь дом в поисках самой красивой шкатулки, только бы сберечь это сокровище в лучшем виде.

Все ведь должно было пройти идеально.

Но Минхуэй и сам не понимал, какая муха его укусила. Не прошло и пяти минут после встречи, как он не удержался и завел разговор о чужих сплетнях.

Ужин прошел замечательно, ночь любви — безупречно, но стоило вспомнить пересуды в Звездной сети, как рассудок помутился, уступив место глупой ревности.

Одной половиной сознания он понимал, насколько жалко и нелепо выглядит со своими расспросами — точь-в-точь сварливая баба, — но унять собственный язык не мог. Вопросы срывались с губ один ядовитее другого.

Когда наконец прозвучал тот самый роковой вопрос: «У тебя ведь есть другие любовники, так?», в груди Минхуэя всё сжалось от удушья, но мысли оставались кристально ясными.

«Вот я и спросил.»

«Раз уж зашел так далеко, лучше покончить с этим сегодня.»

«Лучше ужасный конец, чем ужас без конца... Верно ведь?»

Чжо Лань лишь молча смотрел на него несколько секунд, прежде чем наконец нарушить тишину:

— Ты хочешь услышать правду или то, что тебя утешит?

Услышав этот встречный вопрос, Минхуэй уже знал ответ. Но он упрямо заставил себя смотреть прямо в лицо Чжо Ланя и с холодным хладнокровием произнес:

— Правду.

— Правда в том, — Чжо Лань решил больше не вилять и выложить карты на стол, — что ты абсолютно прав. Да, есть.

На этом разговор оборвался, и в комнате воцарилось тяжелое, вязкое молчание.

В голове у Минхуэя бушевал ураган. Разум требовал немедленно прекратить пытку, не слушать дальше, но упрямые губы сами собой вывели новый вопрос:

— Тогда кто я для тебя?

Этот вопрос, который едва не разрывал Минхуэя на части, для Чжо Ланя не представлял особой сложности. Его отношение к этому мужчине не менялось на протяжении веков.

— Любовник, — ровно ответил представитель Кровного клана.

Вполне ожидаемо.

Даже если бы самого Минхуэя кто-то спросил об их связи, он, пожалуй, на автомате ответил бы так же. Однако в глубине души он чувствовал, что для него всё давно вышло за рамки простого увлечения.

Он снова спросил Чжо Ланя:

— Я тебе нравлюсь?

На этот раз представитель Кровного клана ответил без колебаний, удивительно легко:

— Конечно, нравишься.

— Правда?

— Если бы не нравился, стал бы я ложиться с тобой в постель? — Чжо Лань усмехнулся. — Ты недооцениваешь гордость представителя Четвертого поколения Кровного клана.

Минхуэй горько осознал: то, что он вкладывал в слово «нравиться», и то, что имел в виду этот древний хищник, лежало в совершенно разных плоскостях.

Тогда он спросил прямо:

— Ты меня любишь?

Чжо Лань промолчал.

Головой Минхуэй понимал, что иного ждать не приходилось, но сердце все равно отозвалось тупой, ноющей болью.

— А раньше? — не отступал он, словно сознательно сыпля соль на рану. — Ты хоть когда-нибудь любил меня? Были такие мысли?

Представитель Кровного клана продолжал молчать.

— Нет, — сам ответил за него Минхуэй. — Я прав?

— Скорее всего, — тихо вздохнул Чжо Лань.

Минхуэй сжал кулаки, силясь сохранить маску равнодушия:

— А кого-то другого ты любил?

— Я... не знаю, — Чжо Лань медленно покачал головой. — Я не уверен, что вообще понимаю, каково это — любить.

Древнее существо, прожившее на свете тысячи лет, не знало, что такое любовь.

Звучало как злая ирония, но это было чистой правдой. Самое важное место в душе Чжо Ланя до сих пор занимал образ того, с кем он расстался тысячелетия назад. Но даже по отношению

к нему Чжо Лань не осмеливался произнести слово «любовь». Не потому, что его чувства были слабыми — напротив, они были слишком глубокими и священными. Любовь простого представителя Кровного клана показалась бы ему осквернением этого чистого лика.

Все его существование сводилось к одной-единственной цели: прожить эти тысячи лет лишь ради того, чтобы увидеть его вновь. А увидев — тут же умереть.

Это чувство было всепоглощающим, непоколебимым и смертоносным.

Все остальные — Чжоу Минхуэй, Хэнин, Анно — располагались на много ступеней ниже. Они занимали почетное место в его сердце, их он искренне выделял из толпы и привечал. Но вершина этого негласного пьедестала всегда оставалась недостижимой, зарезервированной лишь для одного божества.

Даже собственная жизнь Чжо Ланя ценилась им куда меньше, чем та далекая тень.

Из-за этой странной, фанатичной иерархии само понятие человеческой любви стерлось и потеряло для него всякий смысл.

Минхуэй, разумеется, ничего не знал о мрачных тайнах древнего существа. Он лишь тихо спросил:

— И с другими у тебя то же самое?

— Со всеми? — переспросил Чжо Лань.

— С твоими... любовниками.

Чжо Лань неопределенно пожал плечами — само слово «любовники» казалось ему слишком размытым:

— Наверное.

В душе Минхуэя окончательно угасла последняя надежда.

«Значит, я действительно всего лишь один из многих.»

Но упрямый, цепляющийся за соломинку разум тут же подкинул безумную идею: если все они находятся на одном уровне, быть может, у него есть шанс вырваться вперед и стать единственным?

Эта мысль обожгла его, заставив горько усмехнуться собственной глупости.

«Минхуэй, неужели ты пал так низко?»

«Неужели ты готов драться в общей очереди за крохи его внимания?»

Заметив его реакцию, Чжо Лань негромко вздохнул:

— Если тебе в тягость такие правила игры, давай закончим на этом.

Минхуэй вскинулся:

— Что значит «закончим»?

— А сам как думаешь? — Чжо Лань покачал головой. — Я же вижу, что тебе больно. Мне не стоило это скрывать. Раз уж мы все выяснили, выбор за тобой.

От этих слов Минхуэй едва не заскрежетал зубами:

— Выбор за мной? А у тебя самого хоть какое-то мнение есть? Ты даже не попытаешься меня удержать?

— Я просто знаю, что любые мои слова сейчас бессмысленны, — спокойно возразил Чжо Лань.
— Минхуэй, ты никогда никого не слушал. Ты делаешь только то, что решишь сам.

— Прекрасно! «Любые слова бессмысленны»! — Минхуэй резко поднялся на ноги, нависая над сидящим представителем Кровного клана. — Да ты просто...!

Ему хотелось выругаться, швырнуть в лицо вампиру самые грязные обвинения, но слова застряли в горле.

«Это слишком жалко и убого.»

Минхуэй сделал несколько глубоких вдохов, умиряя бушевавшую внутри бурю. Остаться в этой комнате он больше не мог, но и произнести слова окончательного разрыва не поворачивался язык — любой выбор сейчас казался предательством по отношению к самому себе.

— В таком случае... нам лучше пока не видеться, — превозмогая себя, выдавил Минхуэй. Даже сейчас он изо всех сил старался сохранить остатки достоинства, не желая показывать Чжо Ланю свою слабость и уязвленное эго. — Нам обоим нужно остыть и подумать.

Чжо Лань расшифровал это по-своему: «Мы расстаемся».

— Я понял, — отозвался представитель Кровного клана. В его душе бушевали противоречивые чувства: с одной стороны, там воцарился полнейший хаос, с другой — наступило странное облегчение.

Что ж, разойтись так разойтись. По крайней мере, больше не придется постоянно лгать, изворачиваться и прятать глаза. Эта вечная игра в прятки уже порядком его утомила.

Решив, что рубить нужно сплеча, представитель Кровного клана начал действовать. Он решительно откинул одеяло и поднялся, но Минхуэй мертвой хваткой вцепился в его запястье:

— Ты куда?

— Ухожу, — Чжо Лань удивленно посмотрел на него. — Мы ведь решили больше не встречаться.

Минхуэй на мгновение замялся, словно сам не понимал, что делает, а затем выпалил:

— Тебе не нужно уходить. Я сам уеду домой.

Чжо Лань опешил:

— Что?

— Номер все равно забронирован на трое суток и полностью оплачен. Оставайся здесь. Ты столько времени провел в дороге и даже не отдохнул как следует, — Минхуэй чувствовал, как его действия расходятся с логикой: он собирался уйти, хлопнув дверью, а вместо этого заботился о комфорте представителя Кровного клана. — Мой дом на этой же планете, мне не составит труда вернуться.

Чжо Лань нашел это решение весьма эксцентричным, но спорить не стал и лишь выдавил короткое:

— Ладно.

Минхуэй действительно быстро собрал свои вещи и направился к выходу.

— Прощай, — тихо бросил он на пороге. На его лице не отразилось ни единой эмоции.

Чжо Лань прислонился спиной к стене у двери и слегка помахал ему рукой:

— Прощай.

Эта мизансцена до боли напомнила Минхуэю их общее прошлое. Когда они жили вместе, Чжо Лань частенько провожал его на работу, в шутливой манере желая хорошего дня у самого порога.

«Интересно, а что он чувствовал ко мне тогда?»

Минхуэй зажмурился, отгоняя нахлынувшие воспоминания, резко развернулся и зашагал прочь.

В номере воцарилась звенящая тишина.

Чжо Лань долго стоял у стены, опустив взгляд. Сложно было понять, о чем он думает. Наконец он тихо вздохнул:

— А подарки-то я так и не отдал...

Представитель Кровного клана наконец заставил себя шевельнуться, не спеша подошел к своему чемодану и достал оттуда две изящно упакованные коробочки. Покрутив их в руках, он связался со службой доставки отеля и попросил отправить посылку по адресу Минхуэя.

Закончив с этим, возвращаться в постель он не стал.

Огромное панорамное окно номера было приоткрыто сверху. Чжо Лань сел в кресло у подоконника, подставив лицо прохладному ночному ветру, и принялся разглядывать раскинувшиеся внизу огни мегаполиса.

Вдруг на подоконник бесшумно опустилась тяжелая темная тень, мгновенно перекрыв поток свежего воздуха.

Представитель Кровного клана мгновенно подобрался, взгляд его опасно сузился.

<http://bllate.org/book/19532/1997175>